

Ф. В. Ростопчин

Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева

Ефремовский дворянин Сила Андреевич Богатырев, отставной подполковник, израненный на войнах, три выбора предводитель дворянский и кавалер Георгиевский и Владимирский, отправился из села Зажитова, по случаю милиции, в Тулу для закупки ружей и, узнав о победе под Прейсиш-Эйлау, проехал в Москву для разведывания о двух сыновьях, брате и племяннике, кои служат на войне. Отпев молебен за здравие государя и отстояв набожно обедню в Успенском соборе, по выходе, в прекрасный день сел на Красном крыльце для отдохновения и, преисполнен быв великими происшествиями, славою России и своими замечаниями, положи локти на колена, поддерживая седую голову, стал думать вслух так:

"Господи помилуй! да будет ли этому конец? долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: "Сгинь ты, дьявольское наваждение! ступай в ад или восвояси, все равно,- - только не будь на Руси".

Прости Господи! уж ли Бог Русь на то создал, чтоб она кормила, поила и богатила всю дрянью заморскую, а ей, кормилице, и спасибо никто не скажет? Ее же бранят все не на живот, а на смерть. Приедет француз с виселицы, все его наперехват, а он еще ломается, говорит: либо принц, либо богач, за верность и веру пострадал; а он, собака, холоп, либо купчишка, либо подьячий, либо поп-расстрига от страха убежал из своей земли. Поманерится недели две да и пустится либо в торг, либо в воспитание, а иной и грамоте-то плохо знает.

Боже мой! да как же предки наши жили без французского языка, а служили верой и правдой государю и отечеству, не жалели крови своей, оставляли детям в наследство имя честное и помнили заповеди Господни и присягу свою? За то им слава и царство небесное!

Спаси, Господи! чему детей нынче учат! выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тот умен и хорош, которого француз за своего брата примет. Как же им любить свою землю, когда они и русский язык плохо знают? Как им стоять за веру, за царя и за отечество, когда они закону Божьему не учены и когда русских считают за медведей? Мозг у них в тупее, сердце в руках, а душа в языке; понять нельзя, что врут и что делают. Всему свое название: Бог помочь -- *Bon jour*, отец -- *Monsieur*, старуха мать -- *Maman*, холоп -- *Mon ami*, Москва -- *Ridicule*, Россия -- *Fi donc* {Добрый день. Месье. Маман. Друг мой. Смешная. Фу (*фр.*)}. Сущие дети и духом, и телом, так и состареются.

Господи, помилуй! только и видишь, что молодежь одетую, обутую по-французски; и словом, делом и помышлением французскую. Отечество их на Кузнецком мосту, а царство небесное Париж. Родителей не уважают, стариков презирают и, быв ничто, хотят быть все. Завелись филантропы и мизантропы. Филантропы любят людей, а разоряют мужиков; мизантропы от общества людей убегают в трактиры. Старухи и молодые сошли с ума. Все стало каша кашей. Бегут

замуж за французов и гнушаются русскими. Одеты как мать наша Ева в раю, сущие вывески торговой бани либо мясного ряду. Даже и чухонцы сказываются лифляндцами, а те немцами. Ох, тяжело! дай, Боже, сто лет здравствовать государю нашему, а жаль Дубины Петра Великого: взять бы ее хоть на недельку из кунсткамеры да выбить дурь из дураков и дур. Господи, помилуй, согрешил грешный.

Прости, Господи! Всё по-французски, всё на их манер; пора уняться. Чего лучше быть русским? не стыдно нигде показаться, ходи нос вверх, есть что порассказать, а слушать иной раз не рад, да готов. Вить что за люди к нам ездят и кому детей своих мы вверяем! Того и смотрим, чтоб хорошо выговаривал, а впрочем, хоть иконы обдери: ей-Богу, стыд! Во всех землях по-французски учатся, но для того, чтоб умел писать, читать и говорить внятно. Ну! не смешно ли нашему дворянину покажется, есть ли бы русский язык в такой моде был в иных землях, как французский; чтоб псарь Климка, повар Абрашка, холоп Вавилка, прачка Грушка и непотребная девка Лушка стали воспитывать благородных детей и учить их доброму. А вот, с позволения сказать, это-то у нас лет уж тридцать как завелось и, по несчастью, не выводится. Дожить, ей-Богу, до беды!

Владыко мой! да чего отцам и матерям хочется? чего у нас нет? всё есть или может быть. Государь милосердный, дворянство великодушное, купечество богатое, народ трудолюбивый. Россия известна лет с полтора ста. А какие великие люди в ней были и есть! Воины: Шуйский, Голицын, Меншиков, Шереметев, Румянцев, Орлов и Суворов; спасители отечества: Пожарский и Минин; Москвы: Еропкин; главы духовенства: Филарет, Гермоген, Прокопович и Платон; великая женщина делами и умом -- Дашкова; министры: Панин, Шаховский, Марков; писатели: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, Карамзин, Нелединский, Дмитриев и Богданович. Все они знали и знают французский язык, но никто из них не старался знать его лучше русского.

Царь небесный! мало этого, вот еще вам. Слушайте, что такое Русь. Государь пожелал милиции -- и явилась; да какая! не двадцать тысяч, не пятьдесят, не осудите -- шестьсот двенадцать! одета, обута, снаряжена и вооружена; а кто начальники? кто чиновники? русские дворяне, верные слуги государские, верные сыны отечества, с грудью гордою, с рукою сильною. Потешили дух предков своих, кои служили верой и правдой под Казанью, под Полтавой, под каменной Москвой; миллионы посыпались, все вооружились; и от Ледяного моря до Черного от сердца и души закричали: "Все готовы, идем и побьем!"

Господи, помилуй! да что за народ эти французы! копейки не стоит! смотреть не на что, говорить не о чем. Врет чепуху; ни стыда, ни совести нет. Языком пыль пускает, а руками все забирает. За которого ни примись -- либо философ, либо римлянин, а все норовит в карман; труслив как заяц, шалостлив как кошка; хоть не много дай воли, тотчас и напроказит. Да вот то беда, что наша молодежь читает Фоблаза, а не историю, а то бы увидела, что в французской всякой голове ветряная мельница, гошпиталь и сумасшедший дом. На делах они плутишки, а на войне разбойники; два лишь правила у них есть: всё хорошо, лишь бы удалось. Что можно взять, то должно прибрать. Хоть немного по шерсти поглядят, то и бунт. Вить что. проклятые, наделали в эти двадцать лет! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потом спорить, браниться, драться; ничего на

месте не оставили, закон попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя!-- отца. Головы рубили, как капусту; всё повелевали -- то тот, то другой злодей. Думали, что это будто равенство и свобода, а никто не смел рта разинуть, носу показать и суд был хуже Шемякина. Только и было два определения: либо в петлю, либо под нож. Мало показалось своих резать, стрелять, топить, мучить, жарить и есть, опрокинулись к соседям и почали грабить и душить немцев и венгерцев, итальянцев и гишпанцев, голландцев и швейцарцев, приговаривая: "После спасибо скажете". А там явился Бонапарт; ушел из Египта, шикнул, и все замолчало. Погнал сенат взащей, забрал все в руки, запряг и военных, и светских, и духовных и стал погонять по всем по трем. Сперва стали роптать, потом шептать, там головой качать, а наконец кричать: "Шабаш республика!" Давай Бонапарта короновать, а ему то настать. Вот он и стал глава французская, и опять стало свободно и равно всем, то есть: плакать и кряхтеть; а он, как угорелая кошка, и пошел метаться из угла в угол и до сих пор в чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революция -- пожар, Франция -- головешки, а Бонапарте -- кочерга. Вот оттого-то и выкинуло из трубы. Он и пошел драть. Италию разграбил, двух королей на острова отправил, цесарцев обдул, пруссаков донага раздел и разул, а все мало! весь мир захотел покорить; что за Александр Македонский? Мужичишка в рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни виденья; раз ударить, так след простынет и дух вон; а он-таки лезет вперед на русских. Ну, милости просим! Лишь перешел за Вислу, и стали бубнового короля катать: под Пултуском по щеке, стал покашливать; под Эйлау по другой, и свету Божьего невзвидел. Думал потешными своими удивить, а наши армейские так их утешили, что только образцовых пустили живых. Слава тебе, Российское победоносное христианское воинство! Честь государю нашему и матушке России! Слава вам, герои российские: Толстой, Кожин, Голицын, Докторов, Волконский, Долгорукий! Вечная память, юноша храбрый Голицын! Молодые у тебя научатся, братья тебе позавидуют, старики вздохнут не раз, разделят печаль тяжкую с отцом твоим, матерью и не скроют от них слезы горькие о несчастной судьбе твоей. Радуйся, царство русское! Всемирный враг пред тобою уклоняется, богатырской твоей силой истребляется! Он пришел, как свирепый лев, хотел все пожрать, теперь бежит, как голодный волк, только озирается и зубами пощелкивает. Не щади зверя лютого, тебе слава и венец, ему срам и конец. Ура, русские! вы одни молодцы. Победа пред вами, Бог с вами, Россия за вами".

За сим Сила Андреевич взвел с восторгом глаза к небу, слезы покатались из них на землю и смешались в ней с слезами радости и печали, пролитыми в течение двух веков на месте сем сынами отечества; потом он встал, посмотрел на Кремль, вынул табакерку с Полтавской медалью, перекрестился и пошел в Спасские ворота домой. Мир с тобой, Сила Андреевич, многие тебе лета здравствовать!